

— Кстати говоря, как ты выбрался? — спросил даос, поставив на стол чашку чая. — Я слышал, что тебя бросили в императорскую тюрьму, и собирался забрать твое тело осенью после казни. Но, судя по твоему нынешнему наряду, ты нынче живешь богато... Чем ты сейчас занимаешься?

— Да так, не особо я и богат. Просто стал наложником, грею постель влиятельному человеку, едва свожу концы с концами, — махнул рукой Се Суй, с невозмутимым видом осушив одним глотком стоявшую на столе чашку чая.

Даос наострил уши.

— Мн? Наложником? Расскажи поподробнее в какой семье? Семья Сяо, Сун, Бай или Ли?

Се Суй в недоумении вскинул брови.

— Все они ненавидят меня до глубины души. Разве такое возможно? Это Пэй Хэн.

Даос резко выпрямился.

— Ого, регент, вот это удача.

Се Суй не уловил в его словах сарказма и как раз собирался поведать о своих запутанных отношениях с Пэй Хэном, когда в дверь вдруг тихо постучали. После этого снаружи донесся голос Сяо У.

— Молодой господин? Молодой господин Юаньси, вы там?

Се Суй замолчал, взглянул на даоса и медленно поднялся с места.

— Сяо У, я здесь. Подожди немного, сейчас выйду.

Он поклонился мужчине напротив, изображая благодарность.

— Благодарю почтенного даоса за разъяснения. Я навещу вас в другой раз.

Тем временем даос за столом уже успел сменить позу и выражение лица. Теперь он выглядел утонченным и безмятежным, с манерами бессмертного мудреца. Он сложил пальцы в жесте гадания, слегка кивнул и отрешенно произнес:

— Счастливого пути, благодетель.

Цветы софоры во дворике осыпались дождем. Се Суй повернулся и со спокойным выражением лица отправился в дом на противоположной стороне улицы на повторный осмотр.

Состояние его здоровья значительно улучшилось, остатки яда были полностью выведены. Доктор Е прописал Се Сую еще несколько лекарств на травах для успокоения нервов и восполнения энергии, и посоветовал ему принимать их для укрепления организма.

— Твое здоровье сильно подкосилось. Потребуется время, чтобы полностью поправиться. Вернувшись к себе, побольше отдыхай, меньше думай, не засиживайся допоздна и не тревожься по пустякам, — выписывая рецепт, небрежно давал наставления Е Ичунь. — Молодой господин, ты только что заходил к моему соседу? Даос Линь уже поел?

Се Суй странно посмотрел на него, но лицо Е Ичуня все еще выглядело невозмутимым. Он

непринужденно пояснил:

— У даоса Линя проблемы со зрением, ему трудно справляться самому. Поскольку я лекарь, для меня естественно проявлять милосердие. К тому же, мы соседи. Конечно же, я должен присматривать за ним.

— Вот оно что... — произнес Се Суй. — Даос Линь только что пил чай. Скорее всего, он еще не ел.

— Отлично.

Се Сую вручили охапку свертков с лекарствами, после чего его вместе с Сяо У выставили за дверь. После этого из-за нее донесся бодрый голос Е Ичуня:

— Через полмесяца я сам приду в резиденцию регента, чтобы вправить твои кости. Следующие несколько дней просто пей лекарства. Твоей ноге нужен покой. Если ничего срочного не случится, не нужно больше приходить сюда.

Дверь с щелчком закрылась.

Се Суй посмотрел на Сяо У. Тот развел руками и беспомощно произнес:

— Весна в сердце пробудилась, что поделать.

У Се Суя дернулся уголок рта.

— А тот даос... он в курсе?

— Даос Линь подобен небожителю, которого не касается прах мирской суеты, поэтому старший чувствует, что недостойн его, и осмеливается лишь втайне проявлять заботу, — сказал Сяо У, помогая Се Сую дойти до выхода из переулка. — К тому же, он посвятил себя даосизму, да еще и с ребенком, о котором неизвестно, родной ли он ему. Он явно не согласится так просто. Моему старшему еще долго придется стараться!

— Бедняга... — с сочувствием произнес Се Суй.

— Это точно, — согласился Сяо У.

***

Почтительно выпроводив людей, Е Ичунь быстро велел подчиненным заказать вино и закуски из ресторана "Весеннее солнце". Затем он поправил одежду, неторопливо перешел улицу и постучал в дверь.

— Даос Линь, вы здесь?

Через некоторое время за дверью послышался стук бамбукового шеста о землю. После этого деревянная дверь отворилась. С глазами, закрытыми черной шелковой повязкой, развевающимся даосским одеянием и исходящим от него слабым горьковатым ароматом чая Линь Янь казался отрешенной от мира прекрасной орхидеей среди горной долины — нежной и хрупкой.

Он слегка повернул голову, словно потерявшись в пространстве, и поводит перед собой рукой, прежде чем ухватиться за холодный край одежды Е Ичуня.

— Доктор Е?

Сколько бы раз ни возникала подобная ситуация, сердце Е Ичуня каждый раз трепетало от прикосновения Линь Яня. Он слегка откашлялся и взял даоса за руку.

— Я сегодня приготовил целый стол еды, закупив слишком много продуктов. Если даос Линь еще не обедал, почему бы не составить мне компанию?

На лице Линь Яня отразилась нерешительность.

— Мы и так слишком часто доставляем вам беспокойство. Боюсь, это неудобно...

— Что тут неудобного? Баньбань еще совсем ребенок, да и вам трудно справляться самому, а я лекарь, мне полагается заботиться о других. К тому же, я живу один в этом переулке Хуайхуа, а еда в одиночестве кажется безвкусной, — печально добавил Е Ичунь. — Баньбань уже подросток, неизвестно, как он справляется с учебой. Я как раз мог бы помочь проверить его знания.

Немного помолчав, Линь Янь вздохнул.

— В таком случае, я не смею больше отказываться.

Он долго шарил у себя за пазухой и достал маленький мешочек с деньгами. Протянув руку, он нащупал ладонь Е Ичуня и вложил в нее кошелек.

— Доктор Е, бедному даосу негоже есть чужое даром. Пожалуйста, возьмите.

Е Ичунь посмотрел на довольно убогий кошелек в своей руке. Сначала он хотел вернуть его, но потом подумал, что впервые получил личную вещь своего возлюбленного. С трепетом в душе он бережно спрятал мешочек у себя за пазухой и взволнованно произнес:

— К чему все эти церемонии?

Он закатал рукава и взял Линь Яня под руку.

— Пойдемте, даос. Держитесь за меня, я вас провожу.

Их пальцы соприкоснулись, и легкое покалывание пробежало от кончиков пальцев до самого сердца. Они на мгновение отдернули пальцы, а затем осторожно соединили их снова.

Е Ичунь смотрел на бледный профиль молодого даоса, и его сердце таяло, как весенняя вода. Даже кончики его ушей окрасились легким румянцем.

Линь Янь же мысленно радовался, что ему снова удастся поесть за чужой счет. Глядя сквозь черную ткань на идущего рядом кроткого и послушного молодого человека, он чувствовал полное удовлетворение.

"Он такой милый".

Так подумали они оба.